

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1991 г.

SENECAE

AD POLYBIUM DE CONSOLATIONE

СЕНЕКА

УТЕШЕНИЕ К ПОЛИБИУ

Перевод с латинского, вступительная статья
и комментарии Н. Х. Керасиди

Предлагаемый перевод «Утешения к Полибию» не только знакомит читателя со спецификой античного жанра утешения, но и заметно расширяет наше представление о философском учении Сенеки-моралиста в ранний период его творчества. Луций Анней Сенека (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) по своему мировоззрению был стоиком, автором многочисленных сочинений и участником важных политических событий; он находился в расцвете славы, когда в 41 г. император Клавдий по ложному обвинению своей жены Мессалины сослал его на Корсику¹. В первый же год изгнания Сенека пишет утешительное послание к матери Гельвии (Ad Helviam de consolatione), тяжело переживавшей удаление

¹ О творчестве Сенеки см.: Фаминский В. Религиозно-нравственные воззрения Л. Аннея Сенеки (философа) и отношения их к христианству. Киев, 1906; Bunner P. Ю. Этические и религиозные воззрения Сенеки // ВДИ. 1948. № 1; Ошеров С. А. Сенека. От Рима к миру // Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. С. 324—352; он же. Сенека — драматург // Луций Анней Сенека. Трагедии. М.: Наука, 1983. С. 351—381; Pernice G. Seneca morale. Tortona, 1964; Bingel J. Seneca und die Dichtung. Heidelberg, 1974; Seneca / Ed. by C. D. N. Costa. London — Boston, 1974; Sørensen V. Seneca: Ein Humanist an Neros Hof. München, 1985.

сына из столицы. В стремлении утешить близкого человека Сенека пытается убедить Гельвию, что он не пал духом и что переживаемый им на чужбине опыт лишь укрепил его. Однако со временем конкретные обстоятельства ссылки, видимо, настолько угнетающе подействовали на Сенеку, что спустя три года пребывания на Корсике в утешительном послании к Полибию (послание написано по случаю смерти младшего брата Полибия) он неоднократно обращает внимание влиятельного вольноотпущенника, фаворита принцепса, на тяжелую судьбу изгнанника.

Вероятно, лишения, выпавшие на долю Сенеки в ссылке, побудили его в послании к Полибию не скупиться на разнообразные комплименты в адрес Клавдия и откровенно ходатайствовать перед императором о пересмотре дела и помиловании (XIII, 3). Стремясь облегчить собственное положение и памятуя, что Клавдий порой настолько находился в сильнейшей зависимости от своего окружения, «что вел себя не как правитель, а как слуга» (Suet. Cl. 29), Сенека не без основания возлагал надежды на помощь влиятельного Полибия. Уже в качестве наставника Нерона Сенека по поручению юного императора пишет надгробное восхваление Клавдию (Tas. Ann. XIII. 3). Без сомнения, этот панегирик, как и льстивая речь в адрес принцепса в утешительном послании к Полибию не были продиктованы истинным отношением Сенеки к Клавдию; о его отношении к обожествленному императору следует судить скорее по язвительнейшей сатире на Клавдия «Отыквление».

В течение последующих пяти лет ссылки, смирившись со своей участью, Сенека работает над трактатами, а возможно, и над трагедиями, и только «Утешение к Полибию» свидетельствует о его временном малодушии².

Литературное наследие Сенеки включает три утешительных послания: к знатной римлянке Марции, дочери историка Авла Кремуция Корда (Ad Marciam de consolatione), написанное незадолго до ссылки автора, затем — к матери Гельвии и к Полибию. Обращение Сенеки к жанру утешений можно объяснить, с одной стороны, моралистической направленностью его философии, с другой — особенностями той исторической ситуации, в которой он оказался³. От философии ждали указаний, как обрести опору в жизни. Известны примеры, когда некоторые из тех, кто был вынужден расстаться с жизнью, в последние минуты обращались к философам. По свидетельству Сенеки, Юлий Кан шел на казнь в сопровождении философа (De tranquill. an. XIV. 9), Тразея Пет перед смертью беседовал с киником Деметрием о бессмертии души (Tas. Ann. XVI. 34); Ливия, жена Августа, потеряв сына Друза, утверждала, что ее страдания облегчила утешительная речь Арея, домашнего философа императорской семьи (Sen. Ad Marc. IV. 2). Именно в эпоху Ранней империи, когда многие выдающиеся деятели Рима становились жертвами дворцовых интриг, а ссылки и казни стали обычной расправой, особую популярность

² Существует предположение, что Сенека по возвращении из ссылки пытался уничтожить «Утешение к Полибию» (см. Bickel E. Seneca und Seneca-Mythus // Das Altertum. 1959. Bd 5. Ht. 2. S. 98). Было высказано также сомнение в принадлежности этого сочинения Сенеке, однако его авторство убедительно доказано (см. Isleib W. De Senecae dialogo undecimo, qui est ad Polybium de consolatione. Diss. Marburg, 1906; Stephaniae P. Zur Frage der Echtheit der Dialogs Senecas ad Polybium de Consolatione // Wiener Studien. 1911. 32).

³ Помимо названных сочинений Сенеки к античному жанру утешений можно причислить дошедшие до нас сочинения: «Утешение к супруге» Плутарха, сочетающее в себе философский трактат и приватное письмо, и «Утешение к Аполлонию», приписываемое Плутарху. От «Утешения» Цицерона сохранилось несколько фрагментов, большей частью в его «Тускуланских беседах».

и распространение приобрела литература утешительного жанра. На протяжении веков древние искали более или менее убедительные доводы против различных видов горя: болезни, рабства, бедности, ссылки, смерти и т. п.⁴ «Слава Сенеки заключается в том, что он собрал эти предписания, рассеянные во всех учениях, понял полезность их, употребил их сам и, собравши их в своих сочинениях, так же как он прилагал их к жизни, обогатил таким образом науку о нравственности и искусство руководить душами»⁵. Сенека считал философию наукой жизни, верил в ее действительную силу и цель своей философии видел в том, чтобы помогать несчастным, утешать их в горе: «Без нее нет в жизни бесстрашия и уверенности, — писал Сенека, — ведь каждый час случается так много, что нам требуется совет, которого можно спросить только у нее» (Ep. ad Lucil. 16. 3).

В утешительной аргументации Сенека использовал источники стоической и эпикурейской философии, а также личные наблюдения⁶. Книга «О скорби» (которая не сохранилась) философа академической школы Крантора (IV—III вв. до н. э.) стала первым и одновременно классическим образцом литературного жанра утешений, в том числе и для Сенеки⁷. Утешительное послание рассматривалось как помощь друга, желающего освободить человека от скорби, вернуть ему ощущение «нормы жизни». Утешитель должен объяснить, что причина длительной скорби неестественна, доказать с помощью аргументов и демонстрации примеров, что скорбь, как опасная болезнь, вредна и для самого скорбящего, и для окружающих, скорбь бесполезна, так как не в силах изменить что-либо в случившемся, бессмысленна и порочна.

Аргументация в древних утешительных посланиях концентрируется вокруг двух основных вопросов: «Скорбишь ли ты о своей участи или об участи покойного?»⁸ и «Смерть — это небытие или переход в другой мир?»⁹. Что касается участи скорбящего, то его жалобы на свою судьбу нельзя признать справедливыми, ибо, получив однажды счастье, человек вопреки закону природы о временности его существования предполагает пользоваться им вечно, а когда теряет его, считает, что совершилась несправедливость. Так как человек не является истинным владельцем благ, то он всегда должен быть готов с ними расстаться и не считать потерей то, что на самом деле нужно рассматривать как возврат долга. Каждому необходимо помнить о кратковременности человеческого счастья и готовиться к тому, что придет время с ним расстаться, а поэтому надо успеть за короткий срок получить как можно больше радости от обладания им, чтобы не оставалось чувства неудовлетворенности, которое затем и выливается в жалобу.

Система доказательств относительно скорби об участи покойного сводится к критике земной жизни и высокой оценке положения после смерти. Если рассматривать смерть как состояние небытия, то покойный ничего не чувствует, и ему нельзя ни причинить зло, ни сделать добро; если же

⁴ Martha C. Les consolations dans l'antiquité // Études morales sur l'antiquité par C. Martha. P., 1883. P. 135—189.

⁵ Марта К. Философы и поэты-моралисты во времена Римской империи. М., 1879. С. 81.

⁶ Kassel R. Untersuchungen zur griechischen und römischen Konsolationsliteratur. München, 1958; Johan H.-T. Trauer und Trost. München, 1968.

⁷ Buresch G. Consolationum a Graecis Romanisque scriptarum historia critica. Diss. Lipsiae, 1886; Gercke A. De consolationibus. Tirocinium philologum sodalium regii seminarii Bonnensis. B., 1883. S. 28—70.

⁸ Ad Marc. XII. 1; Ad Pol. IX. 1; Ad Ap. 19. 111 e.

⁹ Ad Marc. XIX. 5; Ad Pol. IX. 2—3; Ad Ap. 15. 109 e—f.

после смерти существование продолжается, то покойный находится в лучшем мире. С одной стороны, учение Платона о бессмертии души соответствовало стремлению древних к другой, лучшей жизни, с другой стороны, учение Эпикура о смертности души предполагало преодоление страха смерти. Сенека, рассуждая в утешительных посланиях о смерти, что это «либо конец, либо переселение», утверждает, что в любом случае в скорби как долге нет необходимости. Если после смерти нет никакой жизни, то скорбь по умершему бессмысленна, он ее не чувствует ¹⁰. Если же после смерти жизнь продолжается, то освобожденный от рабства плоти и власти судьбы человек наслаждается новым состоянием; печаль живых ему нежелательна.

Если скорбящего мучает мысль, что смерть преждевременна, то, во-первых, любая человеческая жизнь коротка, особенно если сравнить ее со временем существования человечества или вселенной; недолгой оказалась жизнь даже самых грандиозных творений: городов, памятников ¹¹. Так что, по мнению утешителя, нет разницы между долгой и короткой человеческой жизнью. Во-вторых, понятие «преждевременная смерть» неверно, так как согласно закону природы смерть наступает только тогда, когда уже нет энергии продолжать жизнь (Ad Marc. XXI. 6). Сенека, ссылаясь на учение Платона, утверждает, что смерть приходит быстро к тому, чья душа ее ждет, видя в смерти средство освобождения от рабства тела (Ad Marc. XXIII. 1—4).

Несостоятельна мысль скорбящего, когда он полагает, что ранняя смерть лишает человека жизненных благ, которыми он не успел еще насладиться или мог бы продолжать наслаждаться уже данными ему благами. Если учесть, что жизнь полна страданий, а блага судьбы ненадежны, то надо признать, что человек недооценивает преимущества ранней смерти, которая освобождает его не только от настоящих бед, но и от страха перед будущими. Ведь никто не может поручиться за устойчивость своего благополучия, а старость не всегда является достойным завершением жизни ¹². Если жизнь и представляет какую-нибудь ценность, то, конечно же, не долголетием, а полезной деятельностью (Ad Marc. XXIV. 1). Таким образом, нет основания жалеть того, кто находится уже в безопасном положении. Если человек, несмотря ни на какие доказательства и увещания, продолжает скорбеть, то он вызывает подозрение, что скорбит не о покойном, а о своих потерянных выгодах. Причина такой скорби — эгоизм, и скорбящий уже заслуживает не утешения, а осуждения ¹³.

В системе утешительной аргументации Сенеки немаловажную роль играет личность адресата. Как отмечает К. Гроллиос, Сенека признавал, что одними рассуждениями нелегко утешить в скорби, поэтому он обращается к чувству, семейному и служебному долгу своих адресатов ¹⁴. Марция, дочь известного историка Кремуция Корда, подруга Ливии, жены Августа, и Полибий, влиятельный отпущенник императора, занимают такое положение в обществе, что их поступки и душевное состояние, подчеркивает Сенека, у всех на виду. Поэтому и в горе их достойное поведение — пример для других ¹⁵. Нельзя забывать и о тех, кто находится

¹⁰ Ad Marc. XIX. 5; Ad Pol. IX. 2; Ad Ap. 15. 109 c—f; *Sen. Ep. ad Lucil.* 65. 24.

¹¹ Ad Marc. XXVI. 6; Ad Pol. I. 1.

¹² Ad Marc. XX. 4—6; XXII. 1—3; Ad Pol. IX. 4—9; Ad Ap. 31. 117 e.

¹³ Ad Marc. XIX. 2; Ad Pol. IX. 1; Ad Ap. 19. 111 e.

¹⁴ *Grollios C. Senecae ad Marciam. Tradition and Originality.* Athen, 1956. P. 66—68.

¹⁵ Ad Marc. III. 4 — IV; Ad Pol. VI.

рядом, о своих близких, которые испытывают такую же боль и нуждаются в помощи. Так что и ради них нельзя поддаваться скорби и надо своим мужественным поведением служить для них примером ¹⁶.

Своей просветительской речью утешитель приучал читателя размышлять о человеческом существовании, непостоянстве человеческого счастья и таким образом подготавливал читателя к неизбежной встрече с горем. В конечном итоге утешитель всячески старался примирить скорбящего со своей судьбой, ибо «она сама когда-то подарила тебе то, что взяла обратно» (Ad. Pol. XVIII. 3).

Утешительные послания Сенеки, несмотря на рассуждения общего характера (о жизни, смерти, судьбе, благе и т. п.), отличаются друг от друга не только по структуре, но и по аргументации. Сохранившаяся часть (начало утеряно) «Утешения к Полибию» включает рассуждения о недолговечности всего земного с ссылкой на гибель семи чудес света, древних городов и даже всего мира. Эти примеры грандиозного разрушения призваны проиллюстрировать бессилие всего земного перед грозной неизбежностью смерти. Страдать по воле судьбы — общая участь людей, которую нельзя ни изменить, ни умиловить. Пролить слезы по умершему, выполняя свой долг перед ним, неразумно в любом случае: ибо сохраняется ли у покойного способность чувствовать или нет, слезы не помогут ни ему, умершему, ни тому, кто его оплакивает (V. 1—3).

По мысли Сенеки, Полибий должен перестать скорбеть, чтобы выполнить долг перед близкими, обществом и императором. У него есть обязанности по отношению к живым братьям, для которых он должен служить образцом поведения, быть для всей семьи утешителем. Он должен также представлять интересы граждан и подданных перед императором, верно служить принцепсу и разделять с ним бремя ответственности (V. 4—7). Далее следуют рассуждения относительно двух основных вопросов: «Скорбит ли Полибий о своей участи или об участи покойного?» и «Смерть — это конец или переход в другой мир?». Автор убеждает Полибия в справедливости законов природы, упрекает его в их забвении, советует облегчить скорбь литературными и философскими занятиями, заботой о своих близких и ревностной службой императору (IX—XII. 4).

После обращения к богам, богиням и судьбе с мольбой о благодеянии императора и его семьи Сенека в похвальную речь в честь императора искусно вплетает свою просьбу о помиловании (XII. 5—XIII) ¹⁷. Приводя исторические примеры, Сенека как бы устами императора дает совет Полибию следовать достойным примерам стойкости и мужества. И только один пример из семьи императоров, пример Гая Калигулы, Сенека приводит как недостойный римлянина (XIV—XVII). В заключение, желая напомнить влиятельному императорскому чиновнику о печальной судьбе изгнанника, Сенека пытается оправдать недостатки своей утешительной речи ссылкой на неблагоприятные обстоятельства его жизни среди варваров ¹⁸.

Для речи морально-философского и дидактического содержания форма послания наиболее приемлема. Хотя утешительная речь обращена к конкретному адресату, она, как и всякое послание, предназначалась

¹⁶ Ad Marc. XVI. 4—5. Ad Pol. V. 4—5; XII. 1—2.

¹⁷ Dahlmann H. Zu Senecas Trostschrift an Polybius // Hermes. 1936. Bd 71. Ht 3. S. 374 f.

¹⁸ Cp. Ovid. Trist. V. XII. 55—57: «Всюду чужая речь, звериные дикie звуки, / Возгласы ужаса здесь слышишь на каждом шагу. / Кажется сам я уже вконец разучился латини» (пер. А. Парина).

для достаточно широкого круга читателей ¹⁹. Общая структура утешительного сочинения сводится к классической схеме с традиционной моделью доказательств. Автор может часть аргументов опустить, переставить, ввести новые аргументы. Во введении говорится о мотивах и цели послания, в основной части приводятся аргументы против неумеренной скорби, даются наставления, приводятся примеры, в заключении утешитель повторяет ряд наиболее важных для адресата аргументов и советов.

Для усиления эмоциональности речи Сенека использует риторические вопросы, восклицания, обращения, для оживления речи он использует известный в риторике прием вставки (обвинительная речь против судьбы, II. 2—III. 5) или же вкладывает речь в уста подставного лица (речь от лица императора Клавдия, IV—XVI. 4); нередко Сенека выражает мысли в виде сентенций или эпиграмм.

При переводе «Утешения к Полибию» были использованы следующие издания текста: L. Annaei Senecae dialogorum libri duodecim. *Recognovit brevique adnotatione critica instruxit* L. D. Reynolds. Oxf., 1977; L. Annaei Senecae opera quae supersunt. *Recognovit et rerum indicem locupletissimum adiecit* Fr. Haase. V.I. Lipsiae, 1898. Полностью на русский язык «Утешение к Полибию» переводится впервые.

¹⁹ Peter H. Der Brief in der römischen Literatur. Lpz, 1903. S. 13; Sykufis J. Epistolographie // RE. Suppl. Bd V. 1931. S. 202—204; Studnik H.-H. Die consolatio mortis in Senecas Briefen. Diss. Köln, 1958. S. 8—9; Albertini E. La composition dans les ouvrages philosophiques de Sénèque. P., 1923. P. 241—243; Ryba B. Due Konsolace Senekovy a jejich prameny. Praha, 1928.

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА

УТЕШЕНИЕ К ПОЛИБИЮ

I, 1 ... Если ты сравнишь (города и памятники из камня с) нашей (жизнью), то они прочны, если же ты сравнишь их с действиями природы, которая все разрушает и возвращает туда же, откуда они были созданы, то они окажутся недолговечными. Действительно, что бессмертного создали человеческие руки? Когда-нибудь увидят, что знаменитые семь чудес света и все, еще более чудесное, чем они, сооруженное тщеславием последующих времен, сравняется с землей. Так обстоит дело: ничто не вечно, немного долговечно, одно хрупко одним образом, другое — другим, конец у вещей различный, но все, что имело начало, имеет и конец. 2. Некоторые грозят миру уничтожением, и если можно им верить, то и эта вселенная, которая охватывает все божественное и человеческое, в какой-нибудь день будет разрушена и погрузится в прежний хаос и тьму ¹. После этого пусть кто-нибудь идет и оплакивает отдельную жизнь, пусть он оплакивает развалины Карфагена, а также Нуманции и Коринфа ² и еще что-нибудь другое, если и оно погибло, в то время как погибнет даже то, что не имеет места, куда бы упасть. Пусть кто-нибудь идет и жалуется, что рок, который в конце концов решится на такое страшное дело, не пощадил его. 3. Кто столь высокомерен и весьма самонадеян, чтобы при такой незыблемости законов природы, которая все

¹ Согласно учению стоиков вселенная возникла из огня и через определенный срок будет поглощена огнем, а затем вновь возродится (Sen. Ad Marc. XXVI. 6).

² Карфаген и Коринф были сожжены в 146 г. до н.э., Нуманция, город в Испании, — в 433 г. до н.э.

приводит к одному и тому же концу, желает исключения для себя одного и своих близких, спасения одного какого-либо дома от гибели, угрожающей даже самому миру? Итак, самое большое утешение — думать, что с тобой случилось то, что все до тебя претерпели и все будут терпеть; и мне кажется, что природа то, что она сделала самым тяжелым, сделала всеобщим для того, чтобы это равенство смягчало жестокость судьбы.

II, 1. И это также немало тебе поможет, если ты подумаешь о том, что твоя скорбь не принесет пользы ни тому, о ком ты тоскуешь, ни тебе; ведь ты не будешь желать, чтобы долго продолжалось то, что не имеет смысла. Ибо если мы хотя бы чего-нибудь достигали посредством печали, то сколько я еще ни пролил слез из-за своей судьбы, я готов пролить их из-за твоего горя; даже и теперь я нашел бы слезы, что пролились бы из этих, уже истощенных плачем от собственных бедствий глаз, если только это принесет тебе пользу³. 2. Что же ты медлишь? Давай жаловаться вместе, даже пусть пока звучит только моя жалоба: «О ты, по общему мнению, несправедливая судьба, ты, казалось, до сих пор оберегала этого человека, который по твоей милости удостоился такой чести, что его успех избежал зависти, а это редко кому выпадало на долю. И вот, ты, судьба, причинила ему эту боль, которая могла поразить его как самая большая скорбь, пока жив Цезарь. После того как ты хорошенько осмотрела этого человека со всех сторон, ты заметила, что только с этой стороны он доступен твоим ударам. 3. Чем же еще ты могла ему навредить? Ты отняла бы деньги? Никогда он не был им подвластен; и теперь, насколько это возможно, отказывается от них и при такой легкости их приобретения не ищет никакой большей пользы, чем презрение к ним. 4. Ты могла отнять у него друзей? Ты знала, что он так приветлив, что вместо утраченных легко мог бы приобрести новых; про него одного из всех тех, кого я считаю значительным при императорском дворе, я, кажется, знаю, что хотя он всем полезен в качестве друга, все же скорее он для всех желанен сам по себе. 5. Допустим, ты лишила бы его хорошей репутации? Она у него настолько прочна, что даже ты сама не могла бы ее поколебать. Ты отняла бы у него хорошее здоровье? Ты знала, что его дух благодаря благородным наукам, которыми он не только питался, но и с которыми родился, так прочен, что возвышается над всеми страданиями тела. 6. Ты могла бы похитить у него жизнь? Как мало ты навредила бы ему! Весьма долгую жизнь обещала ему слава его таланта; он сам позаботился о том, чтобы продолжалась жизнь лучшей части его существа, и благодаря изяществу его прекрасных ораторских произведений он спас себя от забвения. Пока будет хоть какой-нибудь почет наукам, пока будет существовать сила латинского или прелесть греческого языка, он не будет забыт вместе с именами великих мужей⁴, талантам которых он был или равен, или, если этому противится его скромность, приблизился к ним. 7. А поэтому ты придумала только это одно, чем бы ты могла больше всего ему навредить; ибо чем лучше человек, тем обычно чаще он переносит твои удары, судьба, ведь ты свирепствуешь без всякого разбора и внушаешь страх даже среди своих благодетелей. Что тебе стоило освободить от несправедливости этого человека, к которому, по-видимому, твоя снисходительность пришла не без причины и не выпала случайно, как это у тебя обычно бывает».

³ Намек Сенеки на свое тяжелое положение ссыльного. Сенека пробыл в ссылке на о-ве Корсика с 41 по 49 г.

⁴ Полибий, которому адресовано утешение, перевел Гомера на латинский язык и Вергилия — на греческий.

III. 1. Мы можем добавить, если ты хочешь, Полибий, к этим моим жалобам то, что способности юноши не успели развиться; он был достойным тебя братом, хотя ты, конечно, полностью заслужил, чтобы не огорчаться даже из-за менее достойного брата. Единодушно свидетельство о нем всех людей: его недостает — это твоя заслуга, его хвалят — его заслуга. 2. В нем ничего не было такого, чего бы ты с радостью не признал бы; ты также мог быть добрым и по отношению к менее хорошему брату, но к этому твоя родственная привязанность, найдя в нем достойные природные качества, проявилась гораздо свободнее. При его влиянии он никому не причинил вреда, никогда никому он не угрожал тем, что ты его брат. Глядя на твою скромность, он воспитывал себя и понимал, насколько ты для своих близких великая честь и великое бремя: он выдержал эту тяжесть. 3. О судьба, несмотря ни на какие добродетели наши, жестокая и несправедливая ко всем! Прежде чем твой брат, Полибий, испытал счастье, он был его лишен. И все же я понимаю, что я недостаточно выражаю негодование, ведь нет ничего труднее, чем отыскать подходящие слова для большого горя. И все же и сейчас, если этим можно чего-нибудь достичь, давай жаловаться вместе: 4. «Чего же ты хотела, столь несправедливая и безжалостная судьба? Как быстро ты пожалела о своей благосклонности? Что за жестокость — напасть на братьев и нарушить путем кровавого похищения их единодушный союз? Ты так хотела растревожить дом, счастливо наполненный прекрасными юношами, дом, где ни один из братьев не лишен достоинств, и без всякого основания выбрала именно его? 5. Значит, никакой пользы не приносит ни невинность, строго соблюдающая все законы, ни древняя умеренность, ни соблюдение полной воздержанности на вершине счастья и могущества, ни искренняя и верная любовь к наукам, ни свободный от всякого порока дух? Скорбит Полибий и, предупрежденный на примере одного брата, что можно беспокоиться и за остальных, он боится даже за то, что могло быть утешением его скорби. Жестокое злодеяние! Скорбит Полибий и страдает в чем-то, несмотря на благожелательность Цезаря! Без всякого сомнения, о необузданная судьба, ты усиленно добивалась того, чтобы показать, что даже Цезарем никто не может быть защищен от тебя».

IV. 1. Мы можем еще долго жаловаться на судьбу, но изменить ее не можем: она останется суровой и неумолимой; ее никто не поколеблет ни упреком, ни слезами, ни доводами; она никогда никого не щадит, никому ничего не спускает. Поэтому нам следует воздержаться от бесполезных слез, ибо наша скорбь скорее присоединит нас к покойным, чем возвратит их нам; раз она нас мучает и нам ничем не помогает, следует сразу же отказаться от скорби и защитить душу от напрасных утешений и некоего горького желания скорбеть. 2. Ибо, если разум не положит конец нашим слезам, то судьба этого не сделает. Посмотри-ка вокруг себя на всех смертных, всюду есть обильный и постоянный повод для слез: одного тяжелая бедность обрекает на ежедневный труд, другого тревожит никогда не успокаивающееся честолюбие, тот страшится богатства, которого он желал, и страдает от того, чего жаждал, этого мучает одиночество, другого — толпа, постоянно осаждающая его приходу. Этот страдает от того, что у него есть дети, тот — что потерял детей: слезы у нас иссякнут скорее, чем повод для печали. 3. Разве ты не замечаешь, какую жизнь нам обещала природа, которая пожелала, чтобы первым плачем был плач при рождении человека? Началу, с которым мы появляемся на свет, соответствует весь ряд последующих лет. Такова наша жизнь, и поэтому нам следует быть умеренным в том, что

нам приходится делать постоянно, и имея в виду, сколько печального нам еще грозит, мы должны если не прекратить слезы, то по крайней мере сдерживать их. Ни в чем не следует проявлять больше сдержанности, как в том, что приходится употреблять так часто.

V, 1. И не меньше тебе поможет, если ты подумаешь о том, что твоя скорбь никому так не тягостна, как тому, кому она, по твоему мнению, предназначается: ведь он или не хочет, чтобы ты мучился, или не знает об этом. Следовательно, нет смысла в исполнении того долга, который для того, ради кого он исполняется, бесполезен, если он ничего не чувствует, или неприятен, если он что-либо чувствует. 2. Я осмелюсь утверждать, что нет никого во всем мире, кого радовали бы твои слезы. Как же так? Ты думаешь, что у твоего брата есть против тебя умысел, которого нет ни у кого другого: ты думаешь, что он хочет вредить тебе этой мукой, что он хочет отвлечь тебя от твоей деятельности, то есть от научных занятий, и от Цезаря? Это невероятно. Ведь он проявил к тебе как к брату нежность, почтение как к родственнику, уважение как к высокому должностному лицу; он хочет быть для тебя предметом любви, а не мучителем. Поэтому что пользы сохнуть от печали, которой твой брат желает положить конец, если только у покойных сохраняется способность чувствовать? 3. О другом брате, воля которого могла бы показаться неясной, я поставил бы все эти утверждения под сомнение и сказал бы: «Или, если твой брат желает, чтобы ты мучил себя бесконечными слезами, то он недостоин твоего чувства; или, если он не желает этого, то оставь скорбь, которая не нужна никому из вас. По бессердечному брату не стоит так тосковать, а любящий брат не хочет, чтобы по нему тосковали до такой степени». Однако о твоем умершем брате, добросердечие которого столь известно, можно с уверенностью сказать, что для него не может быть больнее, чем если его смерть для тебя горестна, если она как-то мучает тебя, если она бесконечными слезами расстраивает, а также утомляет твои глаза, никак незаслуживающие этих страданий. 4. Однако ничто так не удержит твою братскую нежность от бесполезных слез, как мысль о том, что ты должен служить примером для своих братьев, стойко перенести эту обиду судьбы. Ведь великие полководцы, когда дела обстоят плохо, поступают так: они намеренно притворяются веселыми и под мнимым весельем скрывают плохое состояние дел, чтобы воины, если увидят подавленное настроение своего предводителя, сами не пали духом. Так же и ты теперь должен поступать. 5. Прими выражение лица, несоответствующее твоему настроению, и, если можешь, оставь вообще всю скорбь, если же нет, то спрячь и скрывай ее внутри, чтобы она не обнаруживалась, и постарайся, чтобы твои братья тебе подражали, и видя, как поступаешь ты, они будут считать это достойным поведением и ободрятся твоим видом. Ты должен быть для них и утешением, и утешителем, но ты не сможешь противостоять их скорби, если дашь волю своей.

VI, 1. От слишком большой скорби тебя может удержать и такое обстоятельство, если ты внушишь его самому себе: из того, что ты делаешь, ничто не может быть скрыто. Человечество единодушно назначило тебе большую роль: ты должен ее поддерживать. Тебя окружает вся эта толпа утешающих, которая хочет знать, что у тебя на душе, и наблюдает, сколько силы у тебя есть против боли, и умеешь ли ты достойно вести себя только в счастье, или ты можешь мужественно переносить и несчастье. Они внимательно следят за твоим взглядом. 2. Независимы во всех отношениях те, у которых настроение может быть скрыто: тебе же не дано иметь тайну. Судьба поставила тебя на виду у всех. Все узнают,

как ты вел себя после этого удара, тотчас ли ты сложил оружие, будучи в состоянии потрясения, или же остался в позиции сопротивления. Уже давно и любовь императора, и твои научные занятия поставили тебя на высокую ступень; ничто обыкновенное и низкое тебе не подходит. Однако, есть ли что-нибудь более низкое и немужественное, чем позволить скорби погубить себя? 3. Находясь в таком же печальном положении, тебе не позволено делать то, что позволено твоим братьям; многое тебе не позволено в силу мнения, которое сложилось из-за твоих научных занятий и твоего характера, люди много от тебя требуют, на многое надеются. Если бы ты хотел, чтобы тебе все было дозволено, ты не должен был обращаться на себя взоры всех людей: теперь же ты должен выполнять то, что ты пообещал. Все те, которые восхваляют труды твоего ума, те, которые их переписывают, и те, которым хотя и не нужно твоего удела, необходим твой ум, все они — наблюдатели твоего состояния души. Итак, ты никогда не сможешь сделать ничего недостойного деятельности выдающегося и образованного мужа, чтобы многим не пришлось раскаиваться в своем восторженном мнении о тебе. 4. Плакать безмерно тебе не позволено, да и не только это не позволено. Не позволено продлить даже сон за счет части дня или убежать от суеты мирской в покой тихого поместья или во время приятного путешествия дать отдых телу от трудоемкой постоянной государственной службы или отвлечь мысль разнообразием зрелищ или вообще распределить время по своему усмотрению. Многое тебе не позволено из того, что позволено самым низким и живущим в глуши. 5. Высокое положение — это большое рабство. Тебе ничего нельзя сделать по своему усмотрению, так много тысяч людей должно быть выслушано, так много прошений приведено в порядок, собрано столь большое количество дел, стекающихся со всей страны, чтобы можно было бы по порядку представить их для решения самому великому принцепсу. Тебе не позволено, говорю я, плакать; чтобы ты мог услышать многих плачущих, чтобы услышать мольбы тех, которые находятся в опасности и стремятся добиться милости самого милосердного Цезаря, тебе следует высушить свои слезы.

VII, 1. Однако в качестве более легких средств тебе поможет такое: всякий раз, как ты захочешь забыть обо всем, думай о Цезаре. Подумай, какой верностью, каким усердием ты ему обязан за его доброту к тебе: ты поймешь, что тебе нельзя сгибаться, как и тому, на плечах которого, как передает миф, держится вселенная, если только он существует⁶. 2. Также самому Цезарю, которому все позволено, по тем же причинам многое не позволено: ведь сон всех людей охраняет его бдительность, для досуга всех — его работа, для убогаторения всех — его деятельность, для приволья всех — его занятость. С тех пор как Цезарь посвятил себя служению всей земле, он себе уже не принадлежит, и подобно звездам, без отдыха совершающим свой путь, ему никогда не дозволяется ни остановиться, ни делать что-либо для себя. 3. В некотором роде также и на тебя налагается подобная необходимость: тебе нельзя думать ни о своих благах, ни о своих научных занятиях. Пока Цезарь владеет миром, ты не можешь предаваться ни наслаждению, ни скорби, никаким другим вещам: ты обязан всего себя отдавать Цезарю. 4. Учти и то, что, поскольку ты постоянно говоришь, что Цезарь тебе дороже твоей жизни, тебе нельзя жаловаться на судьбу, пока жив Цезарь: если он невредим, значит невре-

⁶ Атлант, титан, в наказание за участие в борьбе против богов должен был держать небесный свод.

димы и твои близкие. Ты ничего не потерял, твои глаза должны быть не только сухими, но и исполненными радости, в нем ты имеешь все, он замечает тебе всех. Ты был недостаточно благодарен за свое счастье, что совсем несвойственно твоему весьма рассудительному и благочестивому уму, если ты позволяешь себе о чем-либо плакать, пока Цезарь жив.

VIII, 1. Еще посоветую одно не столь сильное, но более испытанное средство. Когда ты возвратишься домой, тогда-то тебе и следует опасаться скорби. Действительно, пока все твое внимание будет обращено на твое божество, она не найдет к тебе никакого доступа, тобой полностью овладеет Цезарь, когда же ты удалишься от него, тогда скорбь как бы воспользуется представившимся случаем и твоей беззащитностью и постепенно вползет в твою почти успокоенную душу. 2. Из-за этого и нельзя, чтобы ты даже на какое-то время оставил занятия, пусть теперь твои научные занятия, которые ты так давно и так искренне любишь, помогут тебе в благодарности, пусть они оберегают тебя, своего мастера и почитателя, пусть долго пребывают с тобой Гомер и Вергилий. Они имели большие заслуги перед родом человеческим, как и у тебя есть заслуги перед всеми и перед ними; ты захотел, чтобы то, что они написали, стало известно многим, не только тем, для кого они писали. Все то время, в течение которого ты будешь вверять себя их защите, не будет представлять для тебя опасности. А теперь, по мере сил, создай труд о своем Цезаре, чтобы его деяния были прославлены вовеки близким ему человеком: ведь Цезарь сам будет давать тебе материал и образец для прекрасного изложения и описания его подвигов⁶. Я не смею тебя уговаривать, чтобы ты со свойственным тебе изяществом слетал рассказы и эзоповские басни, творения, не испытанные римскими талантами⁷. Нелегко, пожалуй, чтобы сильно потрясенная душа могла бы столь быстро обратиться к слишком радостным занятиям. Однако считай ее уже окрепшей и вернувшейся в нормальное состояние, если она сможет от более серьезных трудов перейти к более вольным. 4. Ибо при первых занятиях душу, хотя еще больную и борющуюся, отвлекает сама серьезность предметов, которыми она будет заниматься; вторые, которые должно сочинять в спокойном состоянии, душа не перенесет, если она еще всецело не овладела собой. Поэтому тебе следует занять свою душу сначала более серьезным предметом, а затем уравновесить более радостным.

IX, 1. Также будет для тебя большим облегчением, если ты часто будешь спрашивать себя так: «Скорблю ли я ради себя или ради того, кто ушел из жизни? Если ради себя, то нечего мне хвалиться моей привязанностью, и скорбь, которая оправдывается только тем, что она искренняя, когда она обращена на собственную пользу, удаляется от любви, а благородному человеку менее всего подходит быть расчетливым в скорби о брате. 2. Если я скорблю ради него, то я должен выбрать одно из таких двух мнений: если у покойных не остается никакого чувства, тогда мой брат избежал всех тягот жизни и вернулся в то место, в котором он был до рождения. Свободный от всего зла, он ничего не боится, ничего не желает, ничего не испытывает. Что это за безумие, чтобы я постоянно скорбел о том, кто никогда уже не испытает никакой скорби? 3. Если же у покойных сохраняются какие-либо чувства, то теперь душа моего брата, как бы выпущенная из долговременной тюрьмы, наконец, радуется своей само-

⁶ По свидетельству Светония, император Клавдий написал восемь книг о своей жизни (*Suet. Cl. 41. 3*).

⁷ Трудно представить, что Сенека ничего не знал о своем современнике, баснописце Федре, первые книги которого были изданы во времена Тиберия.

стоятельности и свободе и наслаждается созерцанием природы. С высоты своего положения она презирает все человеческое, а божественное, суть которого она напрасно так долго старалась узнать, видит ближе. Итак, зачем я мучаюсь тоской по тому, кто или блажен, или ничто? Оплакивать блаженного — зависть, оплакивать несуществующего — безумие». 4. Или тебя беспокоит то, что, как кажется, твой брат лишился огромных и многочисленных благ? Когда ты думаешь, как много он потерял, лучше подумай, что больше такого, чего он уже не страшится: его не будет терзать гнев, удручать болезнь, раздражать подозрение, преследовать снедающая и всегда враждебная к чужим успехам зависть, тревожить страх, беспокоить непостоянство судьбы, быстро перемещающей свои дары. Если ты хорошо посчитаешь, то ему больше дано, чем отнято. 5. Он не будет наслаждаться ни богатствами, ни твоим влиянием, ни своим, он не будет ни принимать, ни совершать благодеяния: считаешь ли ты его несчастным, потому что он это все потерял, или счастливым, потому что он этого не жаждет? Поверь мне, тот, кому счастье не нужно, блаженней того, кому оно служит. Люди владеют с трудом всеми этими благами, которые восхищают нас сияющей, но обманчивой радостью: деньги, положение, власть и многое другое, от чего слепая алчность рода человеческого приходит в изумление. На эти блага смотрят с завистью, как и на тех, которых они украшают и обременяют; блага больше угрожают, чем приносят пользу, они ненадежны и непостоянны, их никогда прочно не удержать, ибо даже если ничего не нужно опасаться в будущем, то само сохранение большого счастья причиняет беспокойство. 6. Если ты пожелаешь верить тем, кто глубже видит истину, то узнаешь, что вся жизнь — мука; ввергнутые в это глубокое и беспокойное море с переменными отливами и приливами, постоянно бросающее нас, то поднимая к мгновенному благополучию, то опуская и причиняя нам большой ущерб, мы повисаем и раскачиваемся на волнах, и сталкиваемся друг с другом. Рано или поздно мы терпим кораблекрушение, мы постоянно испытываем страх. В этом столь бурном и открытом для всех вихрей море для плавающих нет никакой другой гавани, кроме смерти. 7. Так что, право же, ты позавидуешь своему брату: он спокоен. Наконец он свободен, наконец он в безопасности, наконец он бессмертен. Он опередил Цезаря со всем его потомством, оставил позади тебя со всеми братьями. Прежде чем судьба в чем-нибудь смогла изменить к нему благосклонность, он покинул ее, когда она еще была на его стороне и осыпала его дарами щедрой рукой. 8. Теперь он наслаждается чистым и безоблачным небом; из низкого и ничтожного места он устремился туда, куда, что бы там ни было, попадают в блаженное лоно освобожденные от оков души. И теперь он свободно бродит и с величайшим наслаждением обозревает все блага природы. Ты заблуждаешься, твой брат не лишился света, наоборот, он обрел свет подлинный. 9. Туда ведет нас всех общая дорога: зачем нам оплакивать судьбу? Он не покинул нас, он нас опередил. Поверь мне, великое счастье — сама необходимость смерти. Нет ничего надежного даже на день. Кто угадает при столь темной и скрытой истине, проявила ли смерть по отношению к твоему брату зависть или заботу?

Х, 1. Несомненно, так как ты во всех делах любишь справедливость, тебе поможет также и такое размышление. Тебе ведь не была нанесена обида утратой брата, а напротив, оказано благодеяние тем, что ты мог столь долго пользоваться и наслаждаться его привязанностью. 2. Несправедлив тот, кто не предоставляет дающему право распоряжаться своим подарком, жаден тот, кто не радуется тому, что получил, а горюет о том,

что пришлось возвратить. Неблагодарен тот, кто прекращение удовольствия называет оскорблением, глуп тот, кто считает, что есть польза только от сиюминутных благ, кто не находит успокоения в минувших благах и не считает их более надежными, так как не приходится опасаться, что они прекратятся. 3. Слишком сужает свои радости тот, кто полагает, что наслаждается только тем, что он в настоящий момент имеет и видит, и считает ничем то, что он имел. Нас быстро покидает всякое наслаждение, оно течет и проходит мимо и отнимается у нас раньше, чем приходит. Поэтому нужно направлять душу в прошлое и воскрешать все то, что нас когда-то радовало, и частыми думами об этом воздействовать на душу: продолжительнее и надежнее воспоминание о радостях, чем радости существующие. 4. Итак, то, что у тебя был превосходный брат, рассматривай как высшее благо: не думай о том, насколько дольше он мог бы с тобой пробыть, но о том, как долго он действительно пробыл с тобой. Природа тебе, как и остальных братьев, не дала его в собственность, а дала его лишь на время. Когда же она сочла нужным, то потребовала его назад и при этом руководствовалась не тем, когда ты насытишься, а своими законами. 5. Если кто-нибудь недоволен тем, что он возвратил взятые им взаимны деньги, в особенности, если он пользовался ими бесплатно, разве можно считать его справедливым человеком? Природа дала твоему брату жизнь, она дала ее и тебе. Если она, используя свое право, по своему усмотрению, выбрав кого-то, потребовала свой долг раньше, то не она виновата, ее условия тебе известны, а жадная надежда человеческой души, которая часто забывает о сущности природы и никогда не помнит о своем уделе, разве лишь когда ей об этом напоминает. 6. Поэтому радуйся, что ты имел такого благородного брата, и считай за благо, что общался с ним, хотя это оказалось короче, чем ты хотел. Подумай, ведь в высшей степени радостно, что он у тебя был, и совершенно естественно, что ты его потерял. Ведь нет ничего более несообразного, чем быть потрясенным тем, что такой брат достался ему на недостаточно долгий срок, вместо того, чтобы радоваться, что он ему вообще достался.

XI, 1. «Но он был похищен неожиданно». Всякого обманывают собственное легковерие и добровольное забвение смертности тех, кого он любит. Природа никому не давала обещания избавить его от установленной ею неизбежности. Ежедневно перед нашими глазами проходят похоронные процессии знакомых и незнакомых, однако мы не обращаем на это внимания и считаем внезапным то, что предвещается нам в течение всей жизни. Итак, это не несправедливость судьбы, а ненасытная во всем порочность человеческого ума, который негодует, что его удаляют оттуда, куда он был допущен из милости. 2. Насколько справедливее тот, кто при известии о смерти сына произнес слова, достойные великого человека: «Когда я его родил, я уже тогда знал, что он умрет»⁸. Никак не приходится удивляться тому, что у него родился сын, который мог мужественно умереть. Известие о смерти сына он не принял как нечто неожиданное; действительно, что же неожиданного в том, что умирает человек, вся жизнь которого есть не что иное, как путь к смерти? «Когда я его родил, я уже тогда знал, что он умрет». 3. Затем он еще добавил, что свидетельствует о благородстве его ума и души: «Для этого я его вырастил». Всех растят для этого; каждый, кто рождается, чтобы жить, обречен на смерть. Так возрадуемся тому, что нам будет дано, и возвратим его, когда от нас

⁸ Речь может идти об Анаксагоре, получившем весть о смерти сыновей (*Diog. Laert.* II. 13), или об историке Ксенофонте, который получал известие о смерти сына Гриллы, погибшего в битве при Мантинее (*ibid.* II. 55).

потребуют назад. Судьба каждого схватит в разное время, никого не обойдет: пусть душа остается в готовности и никогда не боится того, что неизбежно, и пусть всегда ожидает того, что скрыто от нас. 4. Что мне сказать о полководцах и потомках полководцев и о тех, кто прославился многочисленными консульствами или триумфами, умерших по вине неумолимого жребия? Целые царства с царями, народы и племена перенесли то, что им готовила судьба. Не только все, а даже всё обращено к последнему дню. Конец у всех разный: одного жизнь покидает в середине его пути, другого оставляет у самого входа, третьего с трудом отпускает в глубокой старости, уже утомленного и желающего уйти. Каждый в свое время, но все мы направляемся в одно и то же место. Я не знаю, безрассуднее ли не знать о законе смерти или же бесстыднее противиться ему. 5. Возьми в руки знаменитые песни любого из двух авторов, которых ты многократно прославил силой своего таланта⁹. Ты так перевел их, что хотя их структура немного изменилась по сравнению с авторской, но изящество сохранилось. Ты так переложил их с одного языка на другой, что, и это было весьма нелегко, все достоинства перешли в чужую речь. В этих сочинениях не окажется ни одной книги, которая не давала бы тебе многочисленных примеров, свидетельствующих о непостоянстве человеческой жизни и превратности случая, примеров слез, льющихся по тому или иному поводу. 6. Перечти, с каким вдохновением ты гремел о замечательных деяниях: стыдно тебе будет вдруг потерять присутствие духа и спуститься с такой высоты своей же речи. Не допускай, чтобы каждый, кто будет сверх меры восхищаться твоими произведениями, спрашивал бы, как могла такая слабая душа создать столь возвышенное и мощное.

XII, 1. Лучше от того, что тебя мучает, обратиться к многочисленным и великим утешениям. Посмотри на превосходных своих братьев, посмотри на свою супругу, посмотри на своего сына. Ради их сохранности судьба рассчиталась с тобой в одной этой части. У тебя есть многие, в ком ты найдешь успокоение: обереги себя от позора, чтобы всем не показалось, что эта одна твоя скорбь имеет для тебя больше значения, чем все близкие, оставшиеся в живых. 2. Ты видишь, что все они потрясены, как и ты, и не могут оказать тебе помощь, да ты ведь понимаешь, что они еще и от тебя ждут поддержки. Поэтому-то ты настолько должен сильнее их сопротивляться общему горю, насколько у них меньше образованности и силы духа. Однако есть и в этом случае доля утешения: разделить свою скорбь со многими. Если горе распределяется между многими другими, то у тебя должна остаться только его небольшая часть. 3. Я не могу удержаться, чтобы снова не обратить твоего внимания на Цезаря: когда он управляет странами и показывает, насколько лучше сохраняется империя благодаря благодеяниям, нежели оружию, когда он управляет человеческими делами, в это время не приходится опасаться того, чтобы ты ощущая потерю. В нем одном для тебя достаточно защиты, достаточно утешения. Ободришь, и сколько раз возникнут слезы на твоих глазах, столько же раз обрати глаза на Цезаря. Слезы сами высохнут при взгляде на величайшую и светлейшую божественность, его сияние ослепит их так, что они не смогут смотреть ни на что другое и, оцепенев, будут прикованы к Цезарю. 4. Тебе нужно думать о нем, ведь ты смотришь на него днями и ночами, от него ты никогда не отвращаешь душу, он — твой заступник перед судьбой. Я не сомневаюсь (так как он по отношению ко всем близким столь мягок и снисходителен), что он уже залечил твою душевную рану

⁹ См. прим. 4.

многочисленными утешениями, он нашел многое, что могло бы противостоять твоей скорби. Да что же, в самом деле? Даже если он ничего этого не сделал, разве не является для тебя высшим утешением всегда видеть и думать о самом Цезаре? 5. Пусть боги и богини даруют его надолго всей земле. Да сравняется он в деяниях с божественным Августом, годами превзойдет его! Пока он будет жить среди людей, пусть он не ощутит, что в его семье есть кто-нибудь смертный. Пусть он со своей добросовестностью воспитает сына как правителя римской империи и пусть он раньше увидит его соправителем, нежели преемником отца. И пусть нашим внукам как можно позже станет известен тот день, когда его род примет его на небе.

XIII, 1. О, судьба, не прикасайся к нему своими руками и не проявляй свою силу по отношению к нему, разве только там, где ты приносишь благо. Позволь ему оказать помощь давно уже болеющему и обессиленному роду человеческому, позволь ему привести в порядок и поправить все, что расстроило безумие прежнего принцепса ¹⁰. Пусть всегда сияет это светило, что возшло над низвергнутым и погруженным во тьму миром. 2. Пусть он успокоит Германию ¹¹, пусть делает доступной Британию ¹² и пусть празднует триумфы отеческие и новые. Его доброта обещает мне быть также зрителем этих триумфов ¹³, так как среди его добродетелей доброта занимает первое место. Ведь он не столкнул меня так низко, чтобы не захотел поднять, да он даже и не столкнул меня, а напротив, поддерживал, когда я падал от удара судьбы, и, проявив снисходительность, он осторожно поднял меня, несущегося в бездну, своей божественной рукой: он вступился за меня перед сенатом и не только подарил мне жизнь, но и вымолил ¹⁴. 3. Пусть он как угодно рассмотрит и решит мое дело. Либо справедливость Цезаря признает мое дело правым, либо он снисходительно признает его таковым. В любом случае его благодеяние для меня будет одинаковым; ведь он или признает мою невиновность или выскажет свое желание. А пока для меня в моих бедах большое утешение видеть, как его милосердие царит во всем мире. И из того самого уголка земли, к которому и я прикован, оно извлекло многих, уже много лет заброшенных в несчастье, и вернуло к дневному свету. Так что я не беспокоюсь, что одного меня оно обойдет. Цезарь ведь сам прекрасно знает, когда он должен каждому прийти на помощь. Я постараюсь, чтобы ему не пришлось меня стыдиться, когда он придет ко мне. 4. О, как отрадна твоя снисходительность, Цезарь. Благодаря ей изгнанники при твоём правлении ведут более спокойную жизнь, чем еще недавно при Гае, виднейшие граждане. Они не дрожат и не ожидают каждый час меча и не содрогаются от страха при виде каждого корабля ¹⁵; благодаря тебе их судьба не только перестает быть жестокой, но они получают надежду на ее улучшение и покой в настоящем. Да, ты должен знать, что только те удары судьбы справедливы, которые почитают даже те, на кого они обрушились.

¹⁰ Предшественник Клавдия Гай Калигула; он прославился многочисленными безумствами.

¹¹ Во времена правления Клавдия Корбулон усмирил восставших германцев (*Tac. Ann. XI. 18*).

¹² Клавдий совершил поход в Британию (*Suet. Cl. 17. 1—2*).

¹³ На празднование триумфа Клавдия в Рим были приглашены несколько изгнанников (*Suet. Cl. 17. 3*).

¹⁴ Благодаря вмешательству Клавдия казнь Сенеки была заменена ссылкой на Корсику.

¹⁵ Местом ссылки часто служили острова Средиземного моря. Изгнанники, отправленные в ссылку на острова, были умерщвлены по приказу Калигулы (*Suet. Cal. 28*).

XIV, 1. Итак принцепс, который является всеобщим утешением для всех людей, если я не ошибаюсь, уже ободрил тебя и приложил к твоей больной ране более сильные лекарства. Он уже поддержал тебя всеми способами и из своей весьма цепкой памяти извлек уже все примеры, с помощью которых ты придешь к душевному равновесию. Со свойственным ему красноречием он уже изложил тебе наставления всех мудрецов. 2. Итак, никто не смог бы лучше утешить: в его устах слова приобретут иной вес, как если бы они были произнесены оракулом; всю силу твоей скорби укротит его божественный авторитет. Представь себе, что Цезарь говорит следующее: «Не одного тебя избрала себе судьба, чтобы причинить столь тяжелую обиду, ни один дом во всем мире ни в настоящем, ни в прошлом не был освобожден от необходимости кого-нибудь оплакивать». Я оставлю в стороне повседневные примеры, которые хотя и менее значительны, но более многочисленны, я укажу тебе на летописи и хроники. 3. Ты видишь все эти изображения, которые заполнили атрий Цезарей? Каждое из них для близких памятно как великая потеря; каждый из этих мужей, сверкающих во славе столетий, или сам перенес тоску по близким, или близкие его лишились с глубочайшей душевной болью. 4. Что мне сказать о Сципионе Африканском, которому сообщили о смерти брата в изгнании ¹⁶? Он ведь спас брата от тюрьмы ¹⁷, но не смог спасти его от судьбы; тогда всем стало ясно, до какой степени любовь Сципиона Африканского оказалась не в состоянии быть беспристрастной перед правом и справедливостью: ведь он в тот самый день, когда вырвал брата из рук посыльного, протестовал против действий народного трибуна как частное лицо. И тем не менее он также благородно перенес потерю брата, как и заступался за него. 5. Что мне сказать об Эмилиане Сципионе, который почти в одно и то же время увидел триумф своего отца и похороны двух братьев ¹⁸? Все же юноша ¹⁹, да чуть ли не мальчик, с таким мужеством перенес это внезапное опустошение, обрушившееся на его семью во время триумфа Павла, с каким должен был бы перенести мужчина, рожденный для того, чтобы или в Риме был Сципион, или чтобы не существовал Карфаген.

XV, 1. Что мне сказать о союзе двух Лукуллов, который был прерван смертью ²⁰? Что сказать о Помпеях? Им жестокая судьба не разрешила даже погибнуть вместе. Секст Помпей пережил сначала свою сестру, с чьей смертью оборвалась нить, прочно связывавшая Римскую империю, он пережил своего прекрасного брата ²¹, которого судьба подняла на такую высоту, чтобы сбросить его так низко, как до этого сбросила его отца; и все

¹⁶ Сципион Африканский в ссылке не был.

¹⁷ Сципион Африканский в качестве легата сопровождал своего брата Луция Корнелия Сципиона в военном походе против царя Сирии Антиоха III. По возвращении Луций Сципион должен был дать отчет о деньгах из сирийской добычи. Публий Сципион счел такой отчет унизительным и уничтожил счета. Однако в 184 г. до н.э. Луций по решению комиций был приговорен к тюрьме за неуплату денег, которые он должен был внести в казну. Благодаря заступничеству Публия народный трибун Тиберий Грахх наложил veto на решение об аресте Луция.

¹⁸ Публий Корнелий Сципион Эмилиан, сын Эмилия Павла, победителя Персея, за пять дней до триумфа Павла и спустя три дня после триумфа Павла потерял двух братьев (первый умер в возрасте 15 лет, второй — 12 лет).

¹⁹ Сципиону было 17 лет.

²⁰ Луций Лукулл, полководец, победитель Митридата и Тиграна, консул 76 г. до н.э., умер в 57 или 56 г. Марк Лукулл, полководец, консул 73 г., ненадолго пережил своего брата.

²¹ Дочь Помпея была женой Фавста, сына Суллы. Старший сын Помпея Гней погиб в битве при Мунде в 45 г. до н.э. Секст успешно вел войны против триумвиров, но в 36 г. до н.э. потерпел поражение, бежал в Азию, где и был убит.

же после этого несчастья Секст Помпей справился не только с печалью, но и с войной. 2. Отовсюду приходят на память многочисленные примеры, когда братья разлучаются смертью, и, напротив, едва ли кто-нибудь видел пару братьев, которые старились бы одновременно. Я же ограничусь примерами из нашей семьи, ведь не найдется никого до такой степени лишнего здравого смысла и рассудительности, чтобы жаловаться на то, что судьба причинила ему боль, если он узнает, что она пожелала видеть даже слезы Цезарей. 3. Божественный Август потерял свою любимейшую сестру Октавию, и природа даже его, которого предназначила небу, не лишила необходимости скорбеть. Мало того, он, потрясенный многообразными потерями, лишился и сына сестры, уже подготовленного ему в приемники²². Вообще, я не буду перечислять отдельно все его печали, он и зятьев потерял, и детей, и внуков; и никто из всех смертных не чувствовал себя в большей мере человеком, пока он был среди людей. При этом его восприимчивое сердце вместило многочисленные горести, и божественный Август стал победителем не только над чужеземными народами, но и над своей скорбью. 4. Гай Цезарь, сын и внук божественного Августа, моего дяди, в раннем юношеском возрасте, во время подготовки к Парфянской войне, будучи предводителем молодежи, потерял своего любимейшего брата Луция, который, как и он, был предводителем молодежи²³. Его душу тогда поразил удар более тяжелый, чем позднее его тело: оба удара он перенес одинаково — благочестиво и мужественно. 5. Цезарь²⁴, мой дядя, потерял своего младшего брата и моего отца Друза Германника, держа его в своих объятиях и осыпая поцелуями; он достиг самых глубин Германии и подчинил свирепые германские племена власти Рима. Однако он не только себе, но и другим определил меру в выражении скорби. Для всего войска, требующего себе тело Друза и казавшегося не просто опечаленным, но прямо обезумевшим, Цезарь ограничил траур согласно римскому обычаю и счел, что нужно сохранять строгий порядок и на военной службе, и в скорби. Он не мог бы удержать чужие слезы, если бы сначала не подавил свои.

XVI, 1. Марк Антоний, мой дед, который никому не уступал в величии, кроме своего будущего победителя, в качестве триумвира занимался важными государственными делами. Ему были подчинены все, за исключением двух его коллег, и в это-то время он получил известие, что его брат убит²⁵. 2. Неистовая судьба, что за игры ты для себя создаешь из людских бед! Как раз тогда, когда Марк Антоний решал вопрос о жизни и смерти своих сограждан, отдавался приказ о казни брата Марка Антония. Но он перенес этот страшный удар с тем же величием духа, с каким он перенес все другие несчастья, и выражением его скорби было то, что он принес в жертву памяти брата кровь двадцати легионов. 3. Я опущу все другие примеры и умолчу о других погребениях, но что касается самого меня, то дважды судьба подступала ко мне со скорбью о брате²⁶, и в обоих случаях она поняла, что я могу быть ранен, но не сломлен: я потерял брата Германика. Как я его любил, знает, конечно, каждый, кто

²² Марцелл Марк Клавдий (43—23 гг. до н.э.) — сын Октавии, сестры Августа, усыновлен Августом.

²³ Гай Цезарь (20 г. до н.э.— 4 г. н.э.) и Луций Цезарь (17 г. до н.э.— 2 г. н.э.) — сыновья Агриппы и Юлии, внуки Августа. Гай Цезарь был послан на Восток против парфян, умер по пути из Армении. Луций Цезарь был отправлен в поход в Испанию, где и умер.

²⁴ Тиберий.

²⁵ Брат Антония Гай был казнен в Македонии по приказу Брута.

²⁶ Клавдий потерял брата Германика и сестру Ливиллу.

понимает, как могут любить своих братьев благочестивые братья. Все же я так справился со своим чувством, что не упустил ничего из того, что требуется от хорошего брата, и не сделал ничего такого, за что можно было бы осуждать принцепса. 4. Итак, считай, что эти примеры приводит тебе отец государства, он же тебе показывает, что для судьбы нет ничего священного и неприкосновенного. Она осмелилась вести похоронные процессии из тех домов, откуда намеревалась брать богов. Поэтому пусть никто не удивляется, что то, что делает судьба, жестоко или несправедливо; ибо может ли она по отношению к частным домам соблюдать какую-нибудь справедливость или сдержанность, если ее неумолимая свирепость столь часто оскверняла покои Цезарей? 5. Если даже мы будем проклинать ее, и не только мы одни, но и все вместе в один голос, она все-таки останется неизменной. Она не воспримет ни молитв, ни жалоб. Таковой судьба была в делах человеческих, таковой она и останется: она ничего не сохранила нетронутым, ничего не оставит невредимым. Жестокая, она везде пройдет по своей привычке, она осмелилась входить, причиняя вред, даже в те дома, в которые входит через святилище, и дверь, крашенную лавровым венком, она покроет траурным покрывалом. 6. Лишь одного можем мы от нее добиться обетами и всеобщими молитвами. Если она еще не решила истребить человеческий род, если она относится к римскому имени все еще благосклонно, пусть оставит этого принцепса изнуренному человечеству, пусть пожелает, чтобы он был для нее, как и для всех смертных, священным, и пусть она от него научится быть снисходительной и будет ласковой к самому милостивому из всех принцепсов.

XVII. 1. Итак, ты должен обращать свои взоры на всех тех, о ком я сказал выше, либо уже принятых на небо, либо близких к нему, и переносить судьбу со спокойствием духа. Она протягивает к тебе свои руки, ведь она протягивает их даже к тем, кому мы присягаем. Ты должен подражать твердости Цезарей в перенесении и преодолении скорби, насколько это возможно для человека идти по божественным стопам. 2. Хотя в других вещах положение и знатность создают большое различие между людьми, добродетель является общим достоянием. Она никого не отвергает из тех, кто считает, что он ее достоин. Несомненно, будет весьма полезно, если ты будешь им подражать, хотя они могли бы возмущаться тем, что они, люди необычные, не избавлены от такого зла, и все же в одном этом они уравниваются с остальными людьми. Они сочли это не несправедливостью, а законом человечества, и перенесли все, что случалось, не проявляя ни жестокости, ни бесчувствия, ни мягкосердечия, ни малодушия. Ведь не чувствовать своего горя — не свойственно человеку, а не перенести его — недостойно мужа. 3. Но так как я уделил внимание всем Цезарям, у которых судьба похитила братьев и сестер, то не могу обойти молчанием и того, кого, несомненно, следует исключить их числа Цезарей, кого природа породила для погибели и позора рода человеческого. Основательно разоренную им империю сейчас восстанавливает своим милосердием самый кроткий принцепс. 4. Гай Цезарь²⁷, человек, который не мог, как подобает принцепсу, ни скорбеть, ни радоваться. Потеряв сестру Друзиллу, он избегал встреч и общения со своими гражданами, не был на похоронах своей сестры, не воздал ей последних почестей, а в своем Альбане смягчал горе, вызванное этой смертью, с помощью игральных костей, доски и других подобного рода общедоступных занятий. О, позор империи! Римскому принцепсу, оплакивающему свою сестру, стала утешением игра в кости.

²⁷ Гай Калигула.

5. Этот же Гай с безумным непостоянством то принимался отрачивать бороду и волосы, то переезжал с места на место, с побережья Италии в Сицилию²⁸. Он никогда не был уверен в том, хотел ли он, чтобы сестру оплакивали или чтобы ей оказывали почести, и в то же самое время, когда он устанавливал в ее честь храмы и божеские почести, тех, которые были недостаточно печальны, он наказывал жесточайшим образом. Ведь удары несчастий он переносил в том же беспорядочном состоянии духа, с каким он, гордясь счастливым успехом, воображал себя выше всех людей. 6. Пусть это поведение будет чуждо каждому римлянину; нельзя унимать свою печаль неуместными забавами или возбуждать омерзительно неоправданной одеждой, или, что всего бесчеловечнее, наслаждаться чужим несчастьем.

XVIII, 1. Но тебе не нужно ничего менять в твоем образе жизни, потому что тебе уже свойственно любить те науки, которые наилучшим образом увеличивают счастье и во много раз уменьшают несчастье, они являются величайшим украшением и утешением для человека. А теперь углубись еще больше в свои занятия, окружи ими свою душу как укреплением, чтобы ни с какой стороны скорбь не нашла к тебе подхода. 2. Продли память о своем брате, создав о нем какое-нибудь сочинение в качестве памятника, так как это единственное из человеческих творений, которому не может повредить никакое время, которое не уничтожат столетия. Все остальные памятники, что сооружены из строительного камня или мраморных глыб, или земляных холмов, выступающих далеко ввысь, не сохраняются долго и, безусловно, погибнут: бессмертен духовный памятник, ты даруй его своему брату, в нем помести его, лучше прославь его долговечным произведением духа, чем оплакивать в бесполезной скорби. 3. Что касается самой судьбы, хотя ее сейчас и нельзя перед тобой защищать (ведь все, что она нам дала, из-за того, что она кое-что взяла обратно, стала нам ненавистой), ее защита будет все же возможна, когда время сделает тебя более справедливым судьей. Тогда ты сможешь примириться с ней. Она же заранее позаботилась о том, как эту обиду загладить, многое даже и теперь она готова отдать, чтобы искупить свою вину. Да, наконец, она сама когда-то подарила тебе то, что взяла обратно. 4. Итак, не обращай свой талант против самого себя, не помогай своей скорби. Твое красноречие способно все малое сделать великим и, наоборот, большое — уменьшить и даже неизвестно до крайне малого. Но пусть это красноречие сохранит свои способности для другого случая, сейчас же пусть полностью служит твоему утешению. Внимательно следи, чтобы теперь оно не оказалось бесполезным; ибо природа отчасти от нас требует скорби, но чаще мы омрачаемся беспричинно. 5. Я никогда не потребую от тебя, чтобы ты совсем не печалился. Хотя я знаю, что найдутся некоторые люди скорее с жестокими, нежели мужественными жизненными принципами, которые утверждают, что мудрый не скорбит, но мне кажется, что они никогда не попадали в такое положение, иначе судьба лишила бы их высокомерной мудрости и принудила бы признать истину даже против их воли. 6. Было бы достаточно, если бы разум исключил из скорби только то, что излишне и чрезмерно: никому не следует ни надеяться, чтобы ее вообще не было, ни желать этого. Пусть лучше разум сохраняет ту умеренность, которая не похожа ни на нечестие, ни на безрассудство, и пусть он держит нас в таком состоянии, какое соответствует любящей, но не смятенной душе. Пусть слезы текут, но пусть они и прекращаются, пусть исторгаются из глубины

²⁸ Suet. Cal. 24.2.

души вздохи, но пусть они и кончаются; управляй своей душой так, чтобы тебя могли одобрить и мудрые люди, и братья. 7. Постарайся, чтобы воспоминания о твоём брате постоянно возникали в твоей душе, чтобы ты прославлял его в речах и представлял его себе благодаря постоянным воспоминаниям. Этого ты сможешь добиться, если сделаешь свое воспоминание о нем приятным, а не печальным; ведь это естественно, что душа избегает того, что для нее печально. 8. Думай о его скромности, думай о его мастерстве в делах, о трудолюбии в выполнении их, о твердости в исполнении обещанного. Все им сказанное и сделанное рассказывай другим и себе самому. Вспоминай, каким он был и каким мог бы стать; разве в чем-либо нельзя было бы поручиться за такого благоразумного брата? 9. Все это я сочинил, как мог, насколько позволил мне мой одряхлевший и отупевший от долгого бездействия ум. Если покажется, что это недостаточно отвечает твоему уму или недостаточно облегчает скорбь, подумай, что не может заниматься чужим утешением тот, кого осаждают собственные несчастья. Подумай, как нелегко находить латинские слова человеку, вокруг которого раздастся неудобоваримая, варварская и грубая даже для образованных варваров речь.